

Глава 23. Погружение в одержимость

Чжу Жифэй был поглощен поеданием жареного риса и не заметил, как Лу Ши поменял тарелки.

Вэй Гуанлей мельком взглянул на Лу Ши, который теперь пил чай из одноразового пластикового стаканчика, но ничего не сказал.

Ещё с того момента, когда они вместе ели горячую похлебку на прошлой неделе, он сомневался и был не уверен в кое чем.

Теперь, казалось, он получил ясный ответ.

Лу Ши, которого он знал, не испытывал особенно сильных эмоций по поводу чего-либо и был неизменно равнодушен.

Когда он играл в многопользовательские игры, чтобы увлечь его и Чжу Жифэя, он не был похож на тех, кто был раздражителен и не желал проигрывать.

У Лу Ши, независимо от того, выигрывал он или проигрывал, оставалось неизменное выражение лица.

Гонки и рыбалка-все это было для заработка денег.

Что касается учебы, Вэй Гуанлей считал, что этот человек просто обладал IQ и привык быть отличником. Лу Ши также заявлял ранее: "Первое место на экзаменах означает получение полной стипендии, проживание в общежитии с лучшими условиями и достижение определенной степени свободы. Я могу занять первое место, так почему бы мне не занять его?".

Поэтому Вэй Гуанлей изначально предполагал, что эмоции этого его брата были слишком поверхностными, настолько, что был даже какой-то неясный пессимизм. Вероятно, никто не смог бы легко пробудить в нем заботу и чувства.

Пока не появился Чу Юй.

Этот человек был похож на ходячую катастрофу, и поэтому Вэй Гуанлей не мог не опровергнуть свое собственное суждение.

Думая об этом, он действительно не мог понять, что именно происходит между Лу Ши и Чу Юем.

Но он мог видеть, что степень беспокойства Лу Ши о Чу Юе уже превзошла все остальное; это было даже за пределами нормы.

Независимо от того, было ли его беспокойство волнением охотника, когда он сталкивается со своей добычей, неумолимым собственничеством или другими вещами, Вэй Гуанлей все еще чувствовал некоторое беспокойство.

Все его сильные эмоции были направлены на одного человека. На первый взгляд он был непреклонен и взял на себя инициативу, чтобы взять верх.

На самом деле все его внимание, мысли и эмоции вращались вокруг этого одного человека. Он уже полностью погрузился в пассивность.

Река Цинчуань текла медленно, а ветер дул довольно сильно, неся влажный водяной пар к их лицам.

Покончив с половиной тарелки жареного риса, Чжу Жифэй, наконец, утолил голод. Затем он поднял голову и страстно произнес: «Вот это жизнь!»

Он снова погладил себя по животу.

«К сожалению, от одной мысли о том, чтобы пойти домой и написать два набора домашних заданий, у меня, блядь, болит живот!»

Чу Юй, который ел свою рыбу, был удивлен, когда услышал эти слова. «Уже почти два часа, а тебе все еще нужно делать домашнее задание, когда ты вернешься домой? Как поздно же ты ляжешь спать?»

«Моя мама записала меня в две подготовительные школы, так что весь завтрашний день я буду делать там домашнее задание. Я могу закончить два сегодня вечером. В любом случае, я не смогу лечь спать, когда вернусь» Чжу Жифэй использовал свои палочки для еды, чтобы ткнуть оставшуюся половину своего жареного риса, «Второй год средней школы только начался, а моя мать уже ищет материалы для третьего года. Опасаясь, что я буду злоупотреблять своим мозгом, она спросила соседей о том, какие супы лучше всего подходят для пополнения сил мозга. Так сказать, это указывает на то, что моя мать только начинает свои добрые дела, записав меня в две подготовительные школы. Я думаю, что в следующем семестре я буду занят даже по субботам».

Никто в семье Чу Юя не заботился о его учебе, и компенсировал ли он пропущенные занятия или нет зависело от него. Даже просто слушая этот рассказ у него появлялось сильное чувство давления.

Вечер был мирным, с вином, едой и братьями. Чжу Жифэй прервал разговор и выдохнул.

«Начиная с начальной школы, моя мама часто говорила мне учиться правильно и усердно, чтобы в будущем я мог заработать много денег и уехать с улицы Цинчуань. А я? Я очень хорошо знаю себя. Мой талант средний; недостаточный по сравнению с лучшими, обильный по сравнению с худшими, и немного отстает от ее требований. Но я все равно не жалел сил и старался изо всех сил».

Он прикончил жареный на вертеле тофу в два укуса.

«Поскольку я поступил в частную школу Цзянин на первом курсе средней школы, моя мать, вероятно, забежала вперед и заявила, что собирается отправить меня за границу. Как я могу не знать, сколько денег у моей семьи? Даже если мы разобьем котлы и продадим металлолом, у нас все равно не будет таких денег. Если бы не тот факт, что половина стоимости обучения в школе и других сборов покрывается моей стипендией, я бы не посещал частную школу Цзянин».

Вэй Гуанлей подозвал хозяина и попросил две банки ананасового пива.

Он открыл язычок и вложил одну банку в руку Чжу Жифэя.

Чжу Жифэй засмеялся и отругал его:

«Проваливай, я хочу вернуться и сделать свою домашнюю работу, а ты меня пивом поишь,

жопа!» сказал он, но его руки все равно взяли банку.

Вэй Гуанлей улыбнулся.

«Разве это не соответствует настроению?»

«Какому настроению?»

«Сбитый с толку подросток изливает свое сердце ночью на берегу реки».

Чжу Жифэй был удивлен.

«Ты тут сбитый с толку мальчик, жопа, потому что я все прекрасно понимаю. Усердно учись, ходи в хорошую школу, зарабатывай много денег и обеспечивай мать, когда она состарится. Мои цели решены и определены, я не сбит с толку».

«Жопа то, жопа сё, как некультурно»

Вэй Гуанлей держал свою банку и пил ананасовое пиво.

«Если твоя мать услышит это от тебя, ты не представляешь, как она будет счастлива. Она определенно приготовит тебе лишнее яйцо на завтрак на следующий день».

«Не нужно беспокоиться о том, сколько яиц на завтрак я смогу съесть».

Чжу Жифэйю не понравилось, что его очки мешали, поэтому он снял их и отложил в сторону.

«Как насчет тебя, Шито, ты думал об этом? Будешь дальше учиться?»

Лу Ши, который не произносил ни слова, тоже поднял голову и посмотрел на Вэй Гуанлея.

Чу Юй ел спокойно, добросовестно, не перебивая.

Вэй Гуанлей поставил свою полупустую банку из-под пива на маленький квадратный столик и улыбнулся улыбкой, говорящей "это не имеет значения".

«Наверное, нет. Я не такой, как вы с Лу-Гэ, которые смогут выбраться благодаря учебе. Кроме того, если я пойду учиться, что будет с моей семьей, с магазином?»

Чжу Жифэй опустил голову, организованно положил палочки для барбекю рядом друг с другом и спросил, понизив голос:

«Твой папа... пока никаких новостей?»

«Он умер для меня давным-давно, — выражение лица Вэй Гуанлея стало отсутствующим, и уголок его рта приподнялся в усмешке, — В то время он слишком увлекался азартными играми и проиграл, поэтому занял у ростовщика, не сказав моей матери, и, поскольку он не мог позволить себе вернуть деньги, он сбежал. Он бросил нас с мамой, и с того дня, как он сбежал и бесследно исчез, я уже считал его мертвым. У нас с мамой сейчас все хорошо, по крайней мере, нам не нужно беспокоиться о еде и одежде. Так что хожу я в школу или нет, для меня на самом деле не так важно».

Чу Юй ел рыбу по одному кусочку за раз.

Он вдруг понял, что ему очень повезло.

Хотя его отец неожиданно скончался до его рождения, а мать была слишком занята, чтобы заботиться о нем, у него все еще были старшие брат и сестра, достаточные финансовые ресурсы, машина, дом и никаких забот о еде и одежде.

Ему не нужно было много работать, потому что он уже получил то, к чему многие люди стремились в своих мечтах.

Настолько, что по сравнению с большинством людей он был уроженцем Рима.

Чжу Жифэй похлопал Вэй Гуанлея по плечу.

«Чертовски верно, твой отец действительно не мужик. То, что сейчас все именно так, тоже хорошо. В конце концов, позволять тебе решать функции и обременять тебя химическими формулами хуже, чем позволять тебе воспарить с места».

Вэй Гуанлей улыбнулся и пнул стул Чжу Чжифэя.

«Да пошел ты, кем ты себя возомнил?»

Чжу Жифэй рассмеялся и поднял свой пластиковый табурет, чтобы спрятаться за ним.

Лу Ши сделал глоток чая и обратился к Вэй Гуанлею:

«Не забудь сказать, если тебе будет не хватать денег».

«Мм, я все еще могу расплатиться вовремя в течение следующих двух месяцев. Если мне действительно не хватит, я попрошу тебя одолжить мне немного» Вэй Гуанлей взял свою банку и коснулся ею чая Лу Ши, «Хороший брат, я не скажу тебе спасибо».

Вэй Гуанлей пил свое пиво, а Лу Ши пил свой чай.

«Я часто ем у тебя дома».

Губы Вэй Гуанлея растянулись в улыбке.

Увидев, что хозяин собирается на берег реки, чтобы забрать свою сеть, Чжу Чжифэй поставил свой пластиковый табурет и позвал Чу Юя, стоявшего в нескольких шагах:

«Школьный цветок, не хочешь пойти посмотреть вместе?»

Чу Юй очень интересовался такими вещами.

«Да! Подождите меня!»

У хозяина был фонарь на голове, а Чу Юй и Чжу Жифэй следовали за ним сзади.

Склон берега реки был крутым, мокрым, скользким и темным. Они не стали спускаться вниз, а просто наблюдали с берега.

Чжу Жифэй потянулся всем телом на ночном ветру и вдруг сказал:

«На самом деле, у Шито сначала было другое имя».

Чу Юй отвел взгляд от берега реки и посмотрел в сторону Чжу Чжифэя.

«Как его звали?»

«Вэй Цзяцян. Он сменил свое имя на то, как оно сейчас, сразу после того, как его отец сбежал, — тон Чжу Чжифэя был очень расслабленным, когда он объяснял Чу Юю — Гуанлей, это значит быть открытым и честным. В то время долги его семьи собирали ростовщики. Угрозы и банки краски, всякое было. Шито заявил, что при жизни он никогда не будет таким, как его отец; мышью, переходящей улицу, ни на что не годной.

Он собирался жить честно и достойно».

Чу Юй не мог сказать, что он чувствовал. Он прислушался к плеску воды, когда вытаскивали рыболовную сеть. Он прокомментировал:

«Очень хорошее имя».

«Да, с уровнем образования Шито, это, должно быть, было трудно. Кто знает, как долго он рылся в словаре только для того, чтобы составить это имя».

Чжу Жифэй безжалостно оскорбил Вэй Гуанлея. И поправив очки, сказал:

«Лу-Гэ и я всегда беспокоились о том, должен ли Шито продолжать учиться. Такие семьи, как наши, обязательно поднимутся, только если мы вступим на путь учебы. Поэтому Лу-Гэ все еще таскается за Шито, чтобы давать ему наставления. Но теперь я чувствую, что люди отличаются друг от друга. Хотя у моей семьи не так много денег, у нас достаточно предметов первой необходимости; мне не о чем беспокоиться. Сосредоточение на учебе приведет меня к добродетельным достижениям и успешному завершению. В то время как Шито другой, он уже несет на своих плечах тяжелое бремя поиска средств к существованию своей семьи. Итак, как брат, должен ли я... просто уважать его выбор? Школьный Цветок, как ты думаешь, я прав?»

Чу Юй не кивнул и не покачал головой.

«Мой брат научил меня, что у каждого свой образ жизни, поэтому нехорошо насильственно вмешиваться в жизнь других. Может быть, жизнь подобна питьевой воде, человек должен сам испытать, теплая она или холодная?»

Чжу Жифэй с некоторым удивлением уставился на Чу Юя.

«Школьный Цветок, я не ожидал, что ты будешь таким Школьным Цветком»

«Тогда на что, по-твоему, я был похож?»

Чжу Жифэй дотронулся до своего носа. «Э-э, наверное... типо такого, что думает 'почему они не едят мясо 9-го ранга? Ха-ха-ха, в конце концов, ты и я, Шито и т. Д., Разрыв между нашей средой роста действительно очень велик».

Чу Юй сверкнул глазами.

«Я не дурак!»

Чжу Жифэй усмехнулся и извинился:

«Мм, моя вина, я принял это как должное».

Владелец ларька с барбекю тащил вверх рыболовную сеть. Чжу Жифэй повысил голос и спросил:

«Ну, сколько?»

Хозяин был так рад, что складки на его лице, казалось, улыбались.

«У этих рыб нет мозгов, они все прыгают прямо в сеть!»

Чжу Жифэй рассмеялся.

Чу Юй тоже рассмеялся.

В этот момент он чувствовал себя очень счастливым.

Когда они возвращались—пока он смотрел на обшарпанный киоск с барбекю, а также на Лу Ши и Вэй Гуанлея, сидящих за маленьким квадратным столом,—в голове Чу Юя внезапно возникла мысль.

Целью Чжу Чжифэя было усердно учиться, поступить в хорошую школу, найти хорошую работу, зарабатывать деньги и заботиться о своей семье.

Целью Вэй Гуанлея было расплатиться с их долгами, позаботиться об их автомастерской и разделить бремя со своей матерью.

Даже владелец ларька с барбекю может иметь цель привлечь больше посетителей, приманить больше рыбы, заработать деньги, содержать свою семью и воспитывать своих детей.

Но... а как насчет него самого? Какова была его цель?

Чу Юй остановился на полпути.

Он внезапно обнаружил, что, несмотря на то, что прожил 17 лет, он не мог сказать, какова была его цель.

Через несколько минут после того, как они отъехали от реки, они вернулись на улицу Цинчуань.

Чу Юй удивленно огляделся.

«Мы так близко к реке?»

«Да, — Вэй Гуанлей указал в направлении, — Вон там, пройдя через тот переулок, есть тропинка прямо к реке. Именно поэтому жить на дороге Цинчуань не так уж плохо, там дует речной бриз, а лето приятное и прохладное».

Когда машина вернулась на склад, Вэй Гуанлей опустил ворота и запер его.

Стряхнув пыль с ладоней, Вэй Гуанлей посмотрел на Чу Юя.

«Как ты собираешься вернуться? Или собираешься остаться?»

Чу Юц махнул рукой.

«Это не хлопотно, мне удобно доехать домой на такси».

Вэй Гуанлей не стал его принуждать и спросил Лу Ши:

«Чжу Чжифэй через некоторое время поспешит домой, чтобы закончить свою домашнюю работу. Лу-Гэе, как насчет того, чтобы продолжить еще один раунд? Дома есть блюдо с тушеным мясом в горшочке».

Лу Ши засунул руки в карманы джинсов, обнажив только черный браслет на запястье.

«Нет, я провожу его».

«А? — Чу Юй не любил причинять неудобства людям, — Я не девушка, так что нет необходимости в том, чтобы кто-то провожал меня».

Лу Ши ничего не сказал. Он просто развернулся и вышел на улицу.

Это было само собой разумеющимся, он все равно проводил бы его.

Было неизвестно, было ли это из-за чрезмерной секреции адреналина и возбуждения во время гонки, или из-за дополнительной крови, которую он выпил в машине, но как только Чу Юй сел в машину, все его тело лишилось сил, и глаза уже не могли открыться.

Они отъехали еще не так далеко, когда Чу Юй прислонился головой к стеклянному окну и заснул.

Пока такси ехало по пустой дороге, уличные фонари по пути беспрестанно появлялись и исчезали; огни теплого цвета проходили через окна автомобиля, отбрасывая слой света и тени.

Они въехали в туннель.

В поле зрения Лу Ши оставалась неизменная сцена. Лу Ши перевел взгляд и увидел, что ресницы Чу Юя отбрасывают слабую тень при свете.

Он спал чутко, со слегка нахмуренными бровями, согнутыми пальцами, свободно сжимающими манжеты, и тихим и безобидным дыханием.

Посмотрев некоторое время, Лу Ши опустил глаза, затем протянул руку и потянув парня, положив его себе на плечо.

Движения его были очень нежными.

Чу Юй инстинктивно потерся о ткань на плече Лу Ши и бессознательно пробормотал:

«Лу Ши...»

Затем такси выехало из туннеля.

По обе стороны улицы появились редкие силуэты, а за окном машины мелькали холодные неоновые вывески. Через несколько секунд Лу Ши ответил тихим голосом: “Хм”.

<http://bllate.org/book/14105/1240853>